

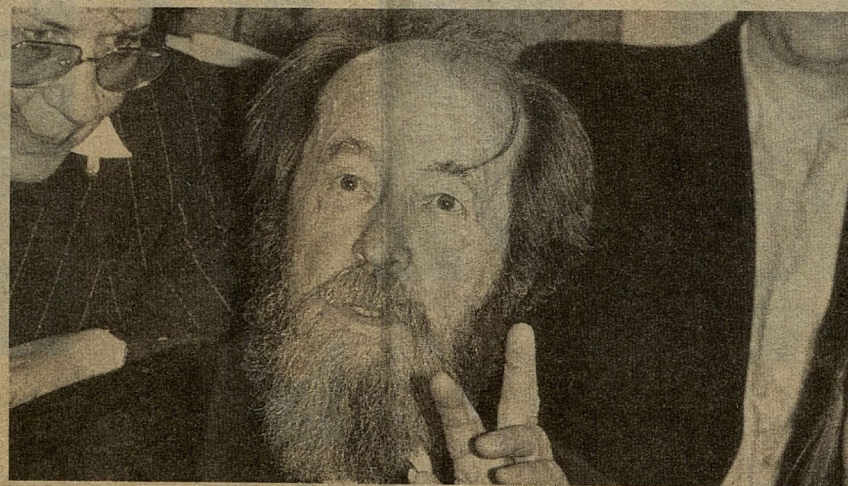
Гайд-парк "ВК"

Вот клуб — 1995. — 15 авг. — С. 2.

Кто вы, Александр Исаевич, — славянофил, антисемит, монархист?

Писатель решительно отмечает эти обвинения

Российским газетам А. И. Солженицын интервью практически не дает. Вот почему нам показалось нелишним перепечатать (хотя бы и с сокращениями) беседу писателя с Витторио Страда, опубликованную в итальянской газете "Карriere делла сера" и парижском еженедельнике "Русская мысль".

— Имеет ли для вас особое значение славянофильская традиция?

— Нет, она не имеет для меня ни особого, ни вообще сколько-нибудь сильного значения. Мне приписывают, ставят печать неославянофилии, я таким ни в коем случае не являюсь, я не считаю себя носителем славянофильской традиции. Я огорчаюсь, что славянофилы преувеличивали значение особой миссии России и какого-то особого искомого превосходства в духовной сфере. Я этого не нахожу и не являюсь их продолжателем.

— В чем разница, по вашему, между двумя типами тоталитаризма — коммунизмом и национал-фашизмом?

— Разница весьма малая. Просто-напросто коммунизм — это классовый тоталитаризм, или классовый фашизм, а национал-фашизм — это расовый фашизм. Ну, слово "фашизм" я использую условно, потому что я имею в виду не итальянский именно фашизм, а национал-социализм, но раз уж приняли это слово, будем говорить "фашизм". Вот и все: один — расовый, другой — классовый. Причем наш классовый раньше возник и послужил образцом.

— Возможен ли, по-вашему, социализм не марксистский, а христианский и демократический? Именно социализм, не коммунизм.

— Социализм, собственно говоря, совершенно нравственный плагиат по отношению к христианству. То есть многие идеи христианские он внешне, формально как бы принял, а на самом деле построил их не на любви, как учит христианство, а на насилии. И можно убедиться, что никакой социализм не может быть построен без целого ряда насилий, пусть не таких страшных насилий, какие были при коммунизме. Определенно, что только ступеньками насилий можно построить социализм, ибо он идет против человеческой природы, и поэтому он не может не применять насилия. Я поэтому не понимаю выражения "христианский социализм", ибо христианство построено совсем на

других основах, нежели социализм. А также и "демократический социализм" — я не понимаю смешения этих понятий.

— Ваши противники иногда клеветнически обвиняют вас в антисемитизме. Существует ли еврейский вопрос в России?

— Да, мои противники часто, множественно обвиняют меня в антисемитизме, но характерно: это всегда были газетные статьи, которые ссылались и были построены на других газетных статьях, а те другие — на третьих, а третьи — на четвертых, и когда я просил: вы укажите, пожалуйста, где и когда я сказал и напечатал что-либо подобное, — то они никогда не приводили ни единой цитаты, никогда... Журналисты сегодня очень любят легко работать, легко навар получить. У меня 20 томов собрания сочинений. Прочитать их — за год не прочтешь. Зачем их читать? Они лучше прочтут у предыдущего журналиста: "Солженицын антисемит", у второго журналиста — "антисемит". Никто никогда не представил ни единой моей строки в доказательство. А что такое анти-

семитизм? Антисемитизм — это пристрастное, несправедливое отношение к еврейской нации в целом. Так вот этого у меня никогда и нигде не было. У меня были образы евреев в произведениях. Одни положительные, другие отрицательные. Те, которые меня обвиняли, забывали о положительных, а указывали на отрицательных: а вот видите, вот видите, кого он показал. Вот и все. Позвольте, но есть же и положительные. Хотя сколько бы ни было их — не в этом дело: есть отрицательный? — все, "антисемит". Есть ли у меня пристрастное, несправедливое отношение к еврейской нации в целом? Нет, никогда и нигде.

Вы спрашиваете дальше, существует ли еврейский вопрос в России. Он, конечно, существовал два столетия, поскольку евреи были многочисленной составляющей частью — 6 миллионов было евреев в России. Еврейский вопрос включался большой составляющей и имеет длинную историю. В настоящее время, я бы сказал, он сильно сгладился уже по количественной стороне. Евреев осталось уже настолько меньше, тем более, что и

Россия уменьшилась, и Украина ушла, и Белоруссия, что еврейский вопрос сегодня в России если и есть еще, то в значительно смягченной и неострой форме. Вот несколько лет назад, при Горбачеве еще, была довольно большая шумиха вокруг еврейского вопроса в России. И, например, вся мировая пресса писала о какой-то "Памяти", что какая-то страшная "Память" есть, которая всему грозит. Это был мыльный пузырь, однако даже Европейский парламент принял специальное постановление против "Памяти"! Это просто комедия. Вскоре лопнуло, как всякий мыльный пузырь. Потом говорили об опасности погромов, и даже точно такого-то числа, такого-то числа. Нет, таких настроений в русском народе нет. Да и народ наш до такой степени сегодня измучен своими бедами, до такой степени сегодня демографически вымирает, по миллиону в год, он тяжелобольной, лежащий в постели. Так что это — глубокое заблуждение и просто пристрастная паника.

— Как вы смотрите на российский неомонархическое движение, считаете ли вы возможным и же-

лательным возвращение царя?

— Я считаю, что сегодняшнее российское неомонархическое движение до такой степени слабо, до такой степени хило, что просто не стоит о нем рассуждать. Оно не представляет никакой социальной или политической силы. Считаю ли я возможным возвращение царя? Видите, возвращение в смысле попятности вообще в истории не бывает. Тот царский строй, который был у нас в России, — он не может вернуться к нам, мы слишком изменились.

А вообще монархический принцип? Я считаю, что сегодняшние монархии, очень многие, имеют декоративный характер. Вот в Западной Европе, например, совершенно декоративный. На самом деле даже монархией назвать это нельзя, это — дань традиции, игра в продолжение традиций. Монархия? Может существовать тогда, когда сам монарх абсолютно искренне убежден в том, что он помазанник Божий и отвечает каждым своим шагом только перед Богом. Но этого мало: и каждый подданный убежден, что это — помазанник Божий, что он — от Бога, и его реше-

ния от Бога. Так вот, такая психологическая атмосфера — я не вижу, как бы она сегодня, в XX веке, могла создаться в России или где бы то ни было еще.

— Горбачев в свое время написал, что Солженицын — монархист.

— Горбачев сказал это на Верховном Совете, он швырнул это в большом раздражении на меня, потому что я предсказал развал Советского Союза, и этого он не мог пережить. Но Горбачев просто солгал, будто бы он дважды прочел с карандашом мою брошюру. Если бы он прочел не дважды, а хотя бы один раз и без карандаша, то он мог бы понять, что там монархизмом не пахнет даже и близко. Вот это пример, как выдергивают из каких-то журнальных статей... Какой-то советник прочел какую-то статью и ему подсказал, вот и все.

— Какие писатели вам наиболее близки из русской литературы XX века?

— Вы употребили слово "близки", поэтому я назову тех, которыми я восхищаюсь, которые мне сердечно близки. Из прозаиков это Булгаков, из поэтов — Ахматова и Цветаева...

В нынешнее время, к сожалению, литература наша очень больна. Она вся ушла, почти вся хлынула в подражательный авангард, постмодернизм, — я об этом тоже писал статью, не буду повторять. Это пустое направление, которое не несет в себе сердечного заряда, в котором все придумано, все основано на какой-то интеллектуальной гимнастике. Я следил, когда был на Западе, за такими писателями, как Распутин, Белов, Астафьев. В брежневское время они сумели пронести нравственную струю и даже быть напечатаны при той цензуре, и это была большая ценность. Но, к сожалению, сейчас они замолчали, большей частью ушли в публицистику. Сегодня вообще кризисный момент в нашей литературе, однако я твердо верю, что наша реалистическая традиция воспрянет в каких-то, может быть, измененных формах, и русская литература никак не погибла, как ей пророчат, и традиция классики будет продолжена.